

Моя дорогая Марта...

Автор:

Николай Епифанов

Моя дорогая Марта...

Николай Игоревич Епифанов

Она мечтала о прекрасном – делиться музыкой в своей душе. Но путь к мечте порой бывает очень сложным. Далеко не все хотят понять и поддержать. Проблемы дома, трудности в школе, голос внутри твердит: «Это не твое. Ты не можешь. Ты не должна». Как тут не сдаться? Неожиданно в жизни юной Марты появляется таинственный молодой человек по имени Август, что приходит к ней во снах, где она каждый раз оказывается в большом старом особняке. Август хочет слушать ее, помогать. Он становится тем, кого так не хватало Марте в жизни. Вместе они смогут бросить вызов судьбе.

Николай Епифанов

Моя дорогая Марта...

Моя дорогая Марта,

Я встретил тебя вновь много лет назад, когда деревья казались по-настоящему высокими, а небеса поистине бескрайними. На улице стоял жаркий июльский день, и огромный солнечный диск медленно плыл над нашими головами.

Ты сидела на автобусной остановке в синих джинсах и белой рубашке, крепко прижимая к груди футляр со скрипкой, подаренной бабушкой, когда тебе исполнилось двенадцать лет. Твой зачарованный взгляд смотрел куда-то вперед сквозь людей и окружающие предметы.

Ты была так далеко и так близко.

Я, как призрак, стоял на обратной стороне дороги, не находя в себе сил пошевелиться, и не отводил от тебя взгляд. Как странно было смотреть на человека, которого впервые встретишь спустя много-много лет и тут же полюбишь всем своим сердцем без страха и без оглядки. Сейчас тебе было всего пятнадцать и впереди ждала целая жизнь. Детство осталось в прошлом, и взрослая жизнь потихоньку занимала свое законное место.

Наше совместное будущее скрывалось далеко впереди, и даже если бы ты смогла увидеть меня, то, конечно же, не узнала бы, ведь я для тебя никто – самый обычный взрослый незнакомец среди сотен других лиц, плывущих по улицам переполненного города.

Моя дорогая Марта, я нашел тебя, пройдя сквозь время и пространство, по одной простой, но бесконечно важной причине. Я люблю тебя.

До свидания,

Твой Август

1

Настырный будильник на мобильном телефоне принялся неустанно звонить в шесть утра. Сквозь таящий сон Марта, чтобы не разбудить родителей, поспешила его отключить. Обычно они вставали около семи, когда до выхода на работу оставалось минут тридцать, и, как тени, бродили по квартире, стараясь сбросить с себя оковы сна.

– Как же я хочу спать, – каждый раз говорил папа, выходя из спальни.

Мама бурчала что-то в ответ, но девушка никогда не могла расслышать, что именно. Ей же всегда нравилось просыпаться пораньше, чтобы можно было спокойно собраться в школу, позавтракать в тишине и посидеть посмотреть пару серий какого-нибудь сериала.

Раннее утро было любимым временем суток Марты, поскольку не надо никуда спешить и тебя никто не трогает. Она всегда сожалела о том, что днем об этом можно было только мечтать. Вот если бы она могла зайти в первую попавшуюся дверь и оказаться в небольшой комнатке, которая хотя бы ненадолго спрячет ее от целого мира.

На цыпочках выбравшись из спальни, Марта преодолела длинный коридор и, незамеченная никем, заскочила в ванную, где тут же закрыла дверь на замок и включила душ. Но забираться в ванную девушка не спешила – вначале она подолгу смотрела на собственное отражение в зеркале, которое давно перестала узнавать.

В июле ей исполнилось пятнадцать лет, и, как ей казалось, она перестала быть ребенком и стала юной девушкой, а значит и проблемы переходного возраста должны были исчезнуть, но тело на этот счет имело собственное мнение. При росте сто шестьдесят сантиметров она весила всего лишь сорок килограмм. Руки казались неестественно длинными, а ноги тонкими и кривыми, как сгоревшие спички. Марта с тоской вспоминала времена, когда могла собрать волосы в хвостик, оголив тем самым скулы и лоб. Раньше это казалось нормальным, но теперь оборачивалось целой трагедией, ведь сразу же выпирали острые скулы и лоб, на котором то и дело появлялся ни один, ни два, а сразу несколько прыщей. Каждый день Марта стояла перед зеркалом, ожидая увидеть хоть какие-то перемены к лучшему, но раз за разом видела только тощее лицо, вызывающее отвращение. И потому, перед тем как выйти из ванной, она старательно расчесывала волосы так, чтобы они закрывали большую часть лица. Только тогда, ощутив хоть какую-то безопасность, Марта могла открыть дверь и пойти на кухню.

Девушка заварила себе чай, сделала пару бутербродов с колбасой и сыром и уселась на кресло в углу, поджав под себя ноги. Несколько простых движений и на телефоне запустилась очередная серия сериала, завлекая Марту в свой причудливый выдуманный мир. Время летело незаметно. Когда на кухне появилась мама, в чашке осталась половина остывшего чая, а на тарелке лежал недоеденный бутерброд.

Маму звали Полина Владимировна. Стройная красивая женщина, хорошо выглядевшая для своих сорока трех лет. У нее были светлые длинные волосы, которые волнами спадали на плечи. Марта всегда смотрела на них и надеялась,

что однажды у нее будут точно такие же.

- Доброе утро, солнце, - сказала женщина, потирая сонные глаза. - Как спалось?

- Хорошо, - коротко ответила Марта, но тут же вспомнила сон и ей захотелось им поделиться. - Мне сегодня приснилось...

- Ой, а я ворочалась полночи. Не знаю, духота какая-то, - перебила ее мама. - Может и правда купить кондиционер? Сейчас же сентябрь. Они наверняка подешевели.

Марта даже не расстроилась. Наверняка, мама просто не расслышала, что дочка хотела что-то рассказать. У нее часто так бывало. Она погружалась в свои мысли, не замечая ничего вокруг: могла начать разговор и тут же забыть о нем или вовсе уйти в другую комнату. Эта была ее странная особенность, на которую, как считала Марта, она не имеет право обижаться. «Лучше уж так, чем папина дотошность» - успокаивала себя девушка. Она никогда и никому на свете не призналась бы, даже самой себе, поскольку сама мысль казалась ужасной, но маму она любила значительно больше папы.

- Сегодня четверг. Ты помнишь, что у тети Тани день рождения? После школы не задерживайся. Поедем ее поздравим.

- Mam, но у меня ведь занятия, - удивилась Марта, выпрямившись как струна.

- Занятия? - мама смотрела на дочь непонимающим взглядом.

- Скрипка. Я же хожу по вторникам и четвергам.

- Ой, - женщина закатила глаза. - Да-да. Я помню. Прости, но сегодня придется пропустить.

- Ну, мам! Я даже не общаюсь с тетей Таней. Мне обязательно ехать?

- Да, обязательно, - мама железным тоном отчеканила каждое слово. - Она твоя родная тетя. Сестра твоего отца, а значит нужно ее поздравить. Ничего не случится от того, что ты один раз не придешь на занятия. В конце концов, я же

не школу прошу тебя прогулять!

- У нас просто концерт будет в ноябре. Мы к нему готовимся, - Марта почувствовала ком в горле и как заслезились глаза, но, прикусив губу, смогла сдержаться.

- До ноября еще уйма времени, - отмахнулась мама, наливая себе кофе.

- Доброе утро, - на кухню пришел взъерошенный папа в своей любимой растянутой футболке с изображением какой-то неизвестной Марте группы.

- Доброе, - хором ответили мать и дочь.

- Андрей, Марта не хочет ехать на день рождения.

- Это еще почему? - нахмурившись, отец перевел взгляд на Марту.

Девушка ощутила, как по коже пробежал холодок. От былой обиды не осталось и следа, ведь ее заменил страх перед отцовским негодованием.

Андрей Борисович был довольно странным человеком. Друзья и коллеги знали его, как рьяного сторонника прогрессивных мужских взглядов, которые он непременно старался защищать в любом споре или обычном разговоре, но, когда дело касалось его семьи, включались нравы свойственные людям, жившим задолго до рождения самой Марты.

В детстве Марта вовсе не была тихим и послушным ребенком, а, скорее, наоборот - лазила куда придется, делала что хотела, но со временем это прошло. Не только благодаря возрасту, но и папиному воспитанию, который, как-то раз вернувшись с работы, застал посреди коридора дочку, измазанную с ног до головы краской, и решил, что женское воспитание мамы и бабушки совершенно распустило ребенка. С того дня у нее появился четкий график, список разрешенных и запрещенных игр. Конечно, вначале Марта сопротивлялась, но совсем не долго. Папа был хладнокровен и совершенно непоколебим, и потому, раз за разом натыкаясь на одну и ту же стену, девочка поняла, что гораздо проще следовать правилам. Так будет меньше ссор, запретов, и не придется смотреть на то, как мама стоит в дверях и переживает

за свою дочь, хотя и не пытается ничего сделать. Раз мужчина сказал, значит так и должно быть, а со временем она и вовсе приняла сторону отца.

- Говорит, что у нее занятие на скрипке, - вместо Марты ответила на вопрос мама.

Глядя на папу, можно было буквально увидеть, как крутятся шестеренки в его голове. Марта не могла предугадать ход его мысли, но знала, чем это все закончится.

- Ты все еще бренчишь на этой штуковине? - после продолжительной паузы, совладав с собой, сказал папа. - Послушай, это надо уже заканчивать. Я понимаю, что, когда тебе было десять или даже двенадцать лет, это было неплохим времяпрепровождением. Но ты уже в десятом классе. Пора думать о важных вещах.

Марта никогда не могла понять папу. С самого первого дня, когда бабушка только записала ее в музыкальную школу, она видела его взгляд полный негодования. Но вначале папа ничего не говорил, а просто молчал и смотрел, словно сражаясь с самим собой. Марта знала, что бабушка несколько раз говорила с ним об этом. Содержание их разговора оставалось тайной, но каждый раз после таких бесед папа становился более снисходителен, хоть и не на долгий промежуток времени. А вот в последний год все стало меняться. Папа то и дело отказывался слушать бабушку и все чаще отпускал неприятные комментарии в отношении увлечения дочери. И если он действительно сражался с самим собой, то настало время, когда он начал проигрывать. Сегодня он впервые в столь резкой форме сказал о том, что пора это все прекращать.

- Да, - едва слышно ответила Марта. - Просто у нас..., - девушка тут же осеклась, подумав, что не стоит говорить о концерте.

- Что у вас?

- Концерт, - сказала мама без задней мысли.

- Ты тратишь время в пустую, Марта, - поставил точку в разговоре отец, применив для этого тон полный разочарования, как будто дочь предала или убила кого-то.

– А зачем нам ехать всем? – прекрасно понимая умом, что нет смысла бодаться, спросила Марта, поскольку в этот раз не смогла совладать с собой. – Вы ведь сами не любите к ней ездить.

– Что значит не любим? – папа всегда легко начинал злиться, когда кто-то решался ему перечить. – Она – наша родственница. Так положено.

– Кем положено? – снова воспротивилась Марта, а про себя подумала. – Остановись, хватит.

– Что значит кем? – голос отца стал значительно громче. – Если тебе взрослые говорят, что так нужно, значит нужно. Кем положено... Когда у твоих родных людей праздник, их нужно поздравлять. Мы все одна семья, а значит нужно держаться вместе. Ты, может быть, сейчас не понимаешь, но, станешь взрослой и не будешь задавать такие вопросы. А пока, если говорят, что нужно ехать, значит нужно. И не думай мне перечить, а то вообще больше не увидишь свою скрипку. Поняла?

– Хорошо, – опустив взгляд, согласилась Марта.

Мама налила папе чашку кофе и поставила перед ним. Следом появились тарелки с нарезанной колбасой, сыром и овощами. Воспользовавшись моментом, пока все отвлеклись, Марта тихонько поднялась с кресла и вышла с кухни. Никто этого не заметил, поскольку они увлеченно смотрели телевизор, где рассказывали о каком-то саммите.

Марта вернулась в свою комнату и включила хорошо знакомый и заслушанный вдоль и поперек список песен. Пока осталось немного времени, стоит послушать музыку и успокоиться.

– Ладно, – подумала Марта, – ничего страшного от одного пропуска не случится. Кто-то иногда болеет и не приходит две или три недели подряд, а я уперлась из-за одного занятия.

Незаметно для самой себя девушка задремала. Теплый мягкий сон окутал ее со всех сторон, и она провалилась куда-то вниз. Ей снилось, что она лежит на своей кровати, а рядом на самом краешке кто-то сидит. Этот незнакомец не вызывал

ни страха, ни тревоги, поскольку по какой-то причине Марта знала, что он не сделает ей ничего плохого.

- Просыпайся. Ты опоздаешь, - услышала она и тут же открыла глаза.

Кроме нее в комнате не было никого. С учетом того, что в наушниках звучала четвертая песня из списка, значит она проспала минут десять или пятнадцать. Стоило еще недолго проваляться, и она обязательно опоздала бы на урок, а математичка Раиса Геннадьевна вряд ли впустила бы ее в класс.

Схватив свой рюкзак, Марта выбежала в коридор, где в спешке обулась, накинула на плечи куртку и, крикнув родителям "Пока", вышла из квартиры.

Середина сентября радовала хорошей погодой. На небе не было ни единого облачка, а яркое солнце светило высоко над головой. Конечно, листва уже начала осыпаться, но до момента, когда деревья останутся абсолютно голыми, было еще далеко.

Марта жила в десяти минутах пешком от школы, и потому проскользнув через несколько дворов, миновав огромную лужу в выбоине на дороге и проскочив в дырку в заборе, в котором кто-то "заботливо" выломал из прутьев, Марта оказалась на заднем дворе школе. Не так рано, как ей хотелось бы, но достаточно, чтобы успеть до звонка сесть за свою парту.

В коридорах их старенькой школы, как всегда было шумно. Дети из младших классов носились друг за другом с дикими воинственными криками. Ребята постарше вели себя чуть спокойнее, хотя их гогот то и дело разливался по всем помещениям, а ровесники Марты из десятых и одиннадцатых классов и во всем не издавали громких звуков, а уверенно двигались к своим классам, как хозяева этой жизни.

- Привет, - увидев Марту, обрадовалась ее подруга Снежана, с которой они сидели вместе на всех уроках уже несколько лет.

- Привет, - ответила Марта, усаживаясь на стул.

- Ты чего такая сонная?

– Я чуть не проспала. Легла и уснула.

– Была бы физкультура, я бы тебя даже поддержала, но не в случае с Раисой, – за глаза, ребята звали учителя математики просто по имени, отбросив ненужное отчество.

Снежана была стройной девушкой. Главным поводом для гордости она считала свою длинную шею и потому предпочитала заплетать волосы в косу, чтобы демонстрировать окружающим свое достоинство. Большие голубые глаза за тонкими стеклами продолговатых очков всегда горели любопытством. Глядя на Марту и Снежану со стороны, поначалу трудно было представить, что они подруги, но стоило узнать их чуть лучше, как становилось понятно, что девушки понимают друг друга с полуслова.

Прозвенел звонок, и все поспешили занять свои места. Не прошло и минуты, как в класс зашла Раиса Геннадьевна. Ее темно серый брючный костюм был узнаваем издали и стал чем-то вроде сигнала ученикам – если видишь костюм, то лучше обойди стороной. Из всех учителей именно Раиса Геннадьевна по праву считалась самой строгой и требовательной.

В классе воцарилась тишина, и десятки юных глаз устремились на учителя, готового объяснить новую тему.

Поначалу Марта внимательно слушала, но затем ей вспомнился утренний сон. Хоть она и смотрела на доску, но перед глазами всплыл почти растворившийся образ. Она видела себя со стороны, видела, как чье-то темное очертание садится на самый край кровати. От этого на душе стало тепло, словно этот кто-то принес вместе с собой покой. И действительно, когда Марта проснулась от обиды на родителей не осталось и следа. Только едва уловимое эхо глубоко-глубоко в сердце.

– Ларионова? Ларионова, доброе утро! – голос Раисы Геннадьевны вернул Марту обратно в класс.

Все смотрели на нее. Кто-то улыбался, но большинство ждали интересную развязку.

– Марта, ты с нами?

- Простите, - она опустила голову, чтобы избежать испепеляющего взгляда.

- Что я сейчас говорила?

- Не знаю.

- Что? Громче.

- Простите, я прослушала.

- Ну что же. Будем считать, что это предупреждение. Но если ты еще раз не повторишь мои слова, когда я скажу, то считай, что у тебя двойка.

- Хорошо.

Вплоть до самого звонка Марта внимательно слушала Раису Геннадьевну, но та больше ее так и не спросила.

2

Урок следовал за уроком. Самый обычный школьный день, когда после звонка коридоры пустели, а ученики набивались в небольшие классы, рассаживаясь в строго определенных местах. Каждый человек по-своему вспоминает школьные годы. Для кого-то это кажется мукой, для кого-то весельем, а, может быть, всего по чуть-чуть. Но если взглянуть отстранено, то с уверенностью можно сказать только одно: школьные годы - это время, когда взрослые заботы еще не успели захватить тебя, и потому ты можешь мечтательно смотреть на таинственную и такую манящую жизнь, что ждет впереди.

Но у школьной жизни, как и у всего на свете, есть и обратная сторона. Дети, да и не только дети, а просто люди, часто бывают жестоки по отношению друг к другу. Находятся те, кто попадает им под руку и становится мишенью для насмешек и издевательств. Для этого вовсе не нужны серьезные причины, а достаточно какой-нибудь мелочи - лишь бы нашелся повод. Чаще всего эти дети

ни в чем не виноваты, а те, кто над ними издевался, через какое-то время будут искренне раскаиваться, но это уже не исправит содеянного.

Можно сказать, что Марта была в числе мишеней. Не постоянных, но одноклассники то и дело позволяли себе глупые шутки или неприятные прозвища. Но большую часть времени она была для них серой мышью. Человеком, которого никто не замечает и не хочет замечать. Марта не думала о том, что будет через год или два. Она не знала, куда будет поступать после школы и даже не представляла, как справится с экзаменами. Иногда тихонько она приоткрывала дверцу собственной души и смотрела на ту себя, какой хотела быть. В ее фантазиях это была прекрасная высокая стройная девушка с длинными волосами до пояса. Она стояла на сцене Концертного зала имени П. И. Чайковского и с закрытыми глазами играла «Муки любви» Крейсера – произведение, о котором, наверняка, не слышал ни один из ее одноклассников. Эта девушка ничего не боялась и не стеснялась. Она была сильной, настолько сильной, что могла не скрывать своего истинного лица, и ей вовсе не нужна была рубашка свободного кроя, что скроет излишнюю худобу. Она была счастлива. Боясь спугнуть столь смелые мечты Марта захлопывала дверь, вешала на нее тяжелый воображаемый замок, и возвращалась в реальность, где никак не могла похвастаться и каплей храбрости.

Оставив позади алгебру, физику и литературу, пришлось идти на историю, где заунывный Степан Васильевич медленно и монотонно зачитывал из учебника тему, даже не пытаясь кого-либо заинтересовать. Он то и дело прохаживался между рядами, чтобы убедиться, что никто не играет в телефон, не ест и не занимается другими делами, которым совершенно не место на столь важном уроке. Кто-то, конечно, пытался его слушать, но через какое-то время, чувствовал, как начинает засыпать. Марта и Снежана сидели в левом ряду у стены и переписывались в тетради, которую специально для этого завели. В конце каждого дня одна из них забирала тетрадь с собой – хранили ее по очереди.

– Пойдем сегодня гулять? На набережной открылся магазин с комиксами. Я бы сходила – написала Снежана и подвинула тетрадь к подруге.

– Не могу.

– Точно! Четверг! Скрипка? Давай тогда завтра?

- Нет, день рождения тети.

- Это которой? Той, что с собаками, или той, что странная? Хотя они обе странные, - Снежана на секунду остановилась и тут же зачеркнула последнюю фразу, а потом добавила. - Прости.

- Папина сестра, - даже здесь Марта была немногословна, и главным двигателем выступала подруга.

- Поедете туда?

- Да.

- А скрипка?

- Нет.

Степан Васильевич неожиданно стукнул по столу учебником и устремил взгляд в конце класса.

- Сергеев, я все вижу. Телефон сюда давай!

- Я уберу.

- Не надо мне никаких уберу! Я сам уберу! - его тяжелые шаги по направлению к провинившемуся заставляли дрожать пол.

- Семен Васильевич, я правда больше не буду.

- А больше и не надо. Давай сюда или по-другому поставлю вопрос.

- Ну, пожалуйста! - взмолился несчастный Максим Сергеев.

- Хорошо. Ты сам напросился.

– Стойте. Все. Я отдаю, – он достал телефон из кармана и протянул преподавателю.

– Вот нельзя сразу? Обязательно нужно издеваться над учителем? – Семен Васильевич выхватил незаконную для истории технику и вернулся к столу.

За соседней от Сергеева партой засмеялся Глеб Якушев.

– Это еще, что начинается? – учитель истории начинал закипать, и каждый в классе знал, что настала пора замереть и не дышать, чтобы только он отошел.

Невысокого роста толстячок шестидесяти лет, уперев руки в бока, встал напротив доски, и, нахмурившись, переводил взгляд с одного ученика на другого. Когда, наконец, испытание было пройдено и опасность миновала, все вздохнули с облегчением и снова принялись делать вид, что прилежно слушают учителя.

– Якушев – дурак, – написала Снежана.

– Он ведь тебе нравится?

– Ничего подобного! – несколько линий под фразой должны были убедить Марту, что это вовсе не так.

Но Марта знала правду. В течение дня уже несколько недель она видела, как подруга посматривала на Глеба, а, когда тот проходил мимо, вытягивалась, как по струнке, и чуть наклоняла голову, словно жертва, подставляя хищнику шею. Сама Марта не знала нравится ли ей вообще кто-нибудь. Одно время ей казалось, что Дима Чернов, но это продлилось недолго. Когда она увидела, как тот ест чипсы, от любви не осталось и следа. Он жевал с открытым ртом, а потом еще и облизал при всех пальцы, от чего Марту буквально передернуло. Если бы не окружающие ее ребята, которые то и дело в кого-то влюблялись и ком-то шептались, то Марта бы ни о чем подобном и не думала бы. А так возникал вопрос: «Я разве хуже них?», и она искала предмет для обожания.

Когда прозвенел звонок и с историей было покончено, ребята со скоростью звука покинули школу и разбежались кто куда. Едва выйдя за территорию, Снежана

засуетилась, коротко попрощалась и исчезла на улочке, которая вовсе не вела к ее дому.

– Я пришла, – стоя на коврике, сказала Марта пустой квартире.

Конечно, еще никого не было. Другого варианта и не могло быть. Родители заставили ее прийти сразу после школы, а сами не приехали с работы. Она позвонила маме, сказала, что уже дома, а в ответ услышала: «Сделай пока уроки, а то неизвестно, когда мы вернемся от тети Тани».

И пока девушка пыталась расправиться с заданиями, ее взгляд то и дело падал на лежащий на стуле футляр, где в неволе томился музыкальный инструмент, прикасаясь к которому она чувствовала облегчение. Странное чувство вины затаилось где-то в сердце – словно пропуская занятия она предавала лучшего друга.

Первым пришел папа. Сказал привет и надолго исчез в ванной. Через полчаса пришла мама и сразу задала тонну вопросов: «Ты поела? Уроки сделала? В чем ты пойдешь? Тебе что-нибудь гладить? Почему ты такая молчаливая? Что-то случилось?», а в ответ слышала только «Да», «Нет» и «Не нужно».

Все семьей они погрузились в папину Тойоту и двинулись в путь под аккомпанемент Русского радио, что оказалось настроено на случайно нажатую отцом кнопку. Марта сидела на заднем сиденье, прислонившись лбом к стеклу и смотрела, как мимо проносятся дома и другие машины. Ее жизнь была пропитана серой тоской обыденности.

– Вот и дорогие родственники пришли! – воскликнул дядя Саша, открыв дверь.

Он был мужем тети Тани. Старшее ее лет на пять. Любил носить мокасины и узкие джинсы, ужасно сидевшие на его странной фигуре. Он всегда зачесывал волосы набок и никогда не забывал покрыть их толстым слоем лака, чтобы «идеальная» прическа случайно не растрепалась.

Миновав дядю и не попав под их жаркие объятия, Марта оказалась в квартире. С кухни доносился грохот посуды, а в гостиной несколько голосов, перебывая друг друга что-то обсуждали. Во всей этой суматохе она искала одного конкретного человека, который всегда был готов ее понять и выслушать.

- Привет, бабуль! – воскликнула Марта, застав бабушку на кухне с доской и вареными овощами для оливье.

- Милая моя, доехали. Извини, я бы тебя обняла, но руки грязные. Садись, – бабушка Леся ножом в картошке указала на стул.

- Здравствуйте, тетя Таня, – девушка обратилась к женщине в пышном желтом платье с большими белыми цветами. – С днем рождения!

- Спасибо, Марта, – тетя Таня довольно улыбнулась и тут же принялась хозяйничать. – Хочешь чего-нибудь, пока мы доделываем? Чай, кофе?

- Нет, спасибо. Может быть, мне вам помочь?

- Прекрати. Сиди отдыхай.

- Как дела, милая? – бабушкина улыбка была самым теплым, что знала Марта в жизни.

Она могла ничего не говорить и только улыбаться, и все было понятно. Черные густые волосы давно тронула седина, а глубокие морщинки лежали возле глаз. Лишь какие-то общие черты выдавали в папе ее сына – гораздо больше он взял от дедушки, которого не стало, когда Марта только собиралась поступать в школу.

- Все хорошо, – ответила девушка. – В школе, как обычно.

- Ты хорошо ешь? Мне кажется, ты еще похудела, – только в ее словах не чувствовалось никакой издевки, ведь это была обеспокоенность.

- Да, – кивнула Марта, но тут же одумалась. – Нет. Не знаю.

- Как это не знаешь? – удивилась тетя Таня.

- Ну, я ем, когда хочу...

– Нет, тебе надо есть, как положено. В твоём возрасте все эти переживания, то и делают, что перебивают аппетит.

– Я была такой же, Тань, – вступилась бабушка. – Ты же видела фотографии.

– Времена другие были! У вас же с продуктами...

– Ой, не начинай прошу тебя. Хорошие были времена. Я тоже мало ела. Была худой, как палка, а потом... Вот! – засмеялась бабушка, показывая на себя. – Теперь бы мне не помешало сбросить.

Если бы было можно, Марта не отказалась бы провести весь вечер на кухне, но распорядок праздника этого не позволял. За длинным столом в гостиной собрались все гости: тетя Таня с дядей Сашей рядом друг с другом во главе стола; бабушка Леся, Марта и мама были отправлены на диван; папа, школьная подруга и пара друзей тети Тани с работы, которых Марта никогда не видела, сидели напротив, а лучший друг дяди Саши по имени Антон, производивший впечатление излишне серьезного и самодовольного человека, занял место на другом конце. Стол буквально ломился от еды, что даже пришлось поставить водку и вино на пол и доставать по мере необходимости.

Все ели и пили, не переставая шуметь ни на секунду. Во всем этом непрекращающемся гомоне, дополняемом звуками телевизора, работавшего неизвестно для кого, Марта чувствовала себя чужой. То и дело она наигранно улыбалась, а остальное время проводила за тыканьем вилкой в салат. Чем меньше становилось алкоголя, тем громче звучали голоса.

– Андрей, когда мы уже побываем на концерте твоей дочери? – поинтересовался дядя Саша.

– На каком концерте? Я тебя умоляю! Она сейчас наиграется и займется серьезными делами, – возразил папа, даже не думая спросить мнение дочери.

– Ну почему же? Чем тебе музыка не серьезное дело? – раздался голос Антона.

– Тем, что это веселое развлечение, но денег никогда не принесет.

- Но люди же как-то зарабатывают!

- Как? В переходах играя? Раньше музыкантов ценили, а сейчас это никому не нужно, если мы не говорим про все эти дерганья на сцене под вспышки света и полуголые танцы.

- Андрей, ты неправ, - вступила в разговор тетя Таня, - наш папа...

- Не надо мне про отца. Как это я не прав? Я сегодня вот как раз видел парня в переходе. Стоял в костюме на два размера больше и пиликал себе уныло. Марта и сама все понимает. Правда? - наконец, он удосужился посмотреть на дочь.

Утренняя обида вернулась с новой силой. В горле пересохло, и она даже не знала, что ответить. Спорить при взрослых совсем не хотелось, но и согласиться просто так она не могла. Мама снова молчала. Когда Марта уже собиралась возразить, она почувствовала, как теплая бабушкина рука под столом сжимает ее руку.

- Андрей, даже если она и понимает, то пусть сама до этого дойдет, - ответила за нее бабушка Леся. - Ты вообще хотел стать футболистом. И, может быть, взяли бы если бы не...

- Если бы не армия. Да. И хорошо, что не взяли. Сейчас сидели бы где-нибудь в глубинке, пока я тренировал третьесортный клуб. А так я стал человеком.

Бабушка еще сильнее сжала руку Марты, словно говоря: «Не надо. Молчи».

- Сейчас можно выучиться на кого угодно. Было бы желание. Но вот про скрипку при мне не надо разговаривать. Да, все мы мечтали о всяком, хотели, бунтовали, а потом все отпадает. Марта, разве не так?

- Так, - наступив на горло своей гордости ответила дочь.

Окружающие больше не хотели перечить Андрею Владимировичу. Каждый из них по-своему жалел несчастную девочку, но предпочитал делать это молча, чтобы не лезть в чужие дела, а они уж сами разберутся.

– Может быть, – думала Марта, – если бы хоть кто-нибудь сказал, что думает или встал на ее сторону, то папа бы понял, что ошибается. Взрослый скорее послушает взрослого, чем ребенка. Тем более, такой взрослый, как папа.

Ненадолго за столом стало тихо. Тема исчерпала себя, и никогда не решался нарушить молчание. Но дело в свои руки взял Антон и предложил снова выпить за именинницу. Все встало на свои места и бесконечный круговорот набрал ход.

На обратную дорогу вызвали такси. Пьяный папа попытался поговорить с таксистом, но почти моментально заснул, а Марта с мамой сидели сзади и думали о чем-то своем. К счастью, очередной вечер, который нужно было перетерпеть закончился.

Уже дома, закрыв дверь в комнату и накрывшись одеялом с головой, Марта заплакала. Ей так хотелось, чтобы родители пусть даже и не радовались ее увлечениям, но хотя бы приняли их. Сон незаметно окутал девушку и увлек в свою далекую страну.

3

Во сне Марта оказалась в огромном старинном доме. За ним давно никто не ухаживал, и по стенам тянулись растения, пробившиеся прямо через половые доски. Их листья чем-то напоминали листья роз, а цветы были почти неотличимы от больших красных пионов.

Девушка стояла посреди просторного холла, а перед ней раскинулась широкая лестница, уводящая на второй этаж.

Она огляделась. Кажется, кроме нее в доме никого не было. Направившись вверх по лестнице, она аккуратно делала каждый шаг, стараясь не наступать на растения. В конце длинного коридора второго этажа виднелась распахнутая дверь балкона, откуда в дом проникал свежий ветер. Девушка втянула воздух носом и почувствовала запах моря и цветов. Ей захотелось посмотреть, что же находится за пределами странного места, где она оказалась.

На балконе у каменных перил, увитых растениями, стоял молодой мужчина в длинном черном пальто. Его волосы развевались при каждом порыве ветра, а взгляд был устремлен на бескрайнее море.

– Здравствуйте, – сказала Марта, остановившись на пороге.

Часто во снах люди становятся совершенно другими. Получают силу, уверенность или даже выглядят иначе, но, конечно, многое зависит от самого сна. И Марта не была исключением. Она без тени сомнений и не мешкая ни секунды поздоровалась с незнакомцем. Представить себе такое в обычной жизни уже было дикостью и чем-то невозможным.

– Привет, – тут же ответил он и повернулся к ней.

Марта никогда прежде его не видела, но почему-то чувствовала будто знакома с ним.

– Я – Марта.

– Я знаю, – незнакомец улыбнулся. – Как прошел твой день?

– Спасибо, хорошо, – заученная фраза сама слетела с губ.

– Это понятно. А как на самом деле? – ему понадобилась секунда, чтобы стать серьезным.

– Кто вы?

– Меня зовут Август. Странное имя, правда?

– Правда, особенно для нашей страны. Хотя... Я же сплю. Верно?

– Спишь, – кивнул он. – Но это вовсе не отменяет того, что мы с тобой из одного города.

– Тогда почему вас так зовут?

– Конечно, здесь лучше было бы спросить моих родителей, но их, как видишь, здесь нет. Ребенка можно назвать, почти, как угодно. Мой папа был историком и специализировался на Древней Греции. Он любил мифы, легенды и все-все, что связано с конкретной эпохой. Когда я появился на свет в августе, он тут же заявил, что знает, какое имя нужно дать сыну. Мама недолго сопротивлялась. С одной стороны, ей хотелось какое-нибудь простое имя, чтобы из-за него у мальчика не было проблем, но, с другой, имя Август казалось особенным. И, когда она его произносила, оно звучало, как шелест листвы в летний день. Чтобы признаться себе и мужу, что имя ей нравится, маме понадобился целый день.

– Август, – медленно повторила Марта. – И правда звучит.

– Вот, видишь. Со временем имя становится частью человека. И ты уже не можешь представить, чтобы его звали как-нибудь иначе.

– Мы с вами, как времена года.

– Да, – рассмеялся Август.

– Где мы?

– Не знаю. Это ведь твой сон. Почему ты захотела увидеть такой дом?

– Девушка пожала плечами.

– Я никогда прежде не видела ничего подобного.

– Но я тоже здесь ни при чем. Честное слово. Зато посмотри какое море.

Марта сделала несколько шагов вперед и положила руки на холодные перила. Вид действительно открывался потрясающий. Водная гладь едва заметно двигалась в свете огромной луны.

– Теперь, когда мы знакомы, ты расскажешь, как у тебя прошел день?

– Прошел и прошел, – сказала девушка, не глядя на нового знакомого, чувствуя, как угасает прежний запал под давлением ее реальной личности.

– Ну, что же. Не хочешь не говори. Твое право. Давай просто посмотрим молча на красоту. Подходит?

– Да.

Это было по-настоящему волшебное место, спрятанное так, что его никто и никогда не найдет – в фантазиях юной Марты. Дом располагался высоко на холме, внизу стелился темный густой лес, который утыкался в песчаный берег, омываемый солеными волнами.

Марта и Август стояли на балконе в полной тишине, и каждый думал о своем. Им не нужно было никуда бежать, ничего делать, а можно было просто наслаждаться призрачным моментом. Но все-таки, спустя какое-то время, Август прервал тишину.

– А почему ты не спрашиваешь, что я здесь делаю?

Марта повернулась и непонимающе посмотрела на него.

– Ты спросила только, кто я. И на этом все.

– Так ведь я сплю. Какая тогда разница? Ты же не настоящий.

– Не настоящий?

– Я выдумала тебя, как и этот дом.

– Ты так думаешь? – уголки рта Августа поползли вверх.

– А разве во сне бывает как-то еще?

– Мне уже кажется, что бывает, как угодно. Конечно, не буду утверждать, что нет ничего невозможного, но гораздо больше, чем мы можем себе представить.

– Хм, – только и сказала Марта, словно Август сморозил полную ерунду и отвернулась.

– Когда я был мальчишкой, мир казался мне бесконечно огромным и загадочным. В нем всегда хватало места для великих тайн. Но чем старше я становился, тем сильнее он сжимался. Так мне казалось. Все становилось знакомым и обыденным. Слишком понятным, чтобы быть прекрасным. Только я ошибался. Сжимался вовсе не мир, а то, что я видел в нем. Понимаешь? Я сам отказывался от его безграничности.

Марта не хотела подавать вида, что слушает его, хотя то и дело на долю секунды косила глаза.

– Я хочу сказать, что не надо недооценивать мир.

– Я так и не делаю.

– Если ты не против, то я снова приснюсь тебе.

– Зачем?

– Хотя бы для того, чтобы вот так постоять на балконе. Разве в одиночку было бы лучше?

Она ничего не ответила.

Из-за горизонта медленно поднимался огромный огненный шар, окрашивая море в бордовые цвета. Его лучи дотянулись до берега и веселыми искрами побежали по верхушкам деревьев. Марта почувствовала нечто странное. Волоски на руках встали дыбом, а по коже побежали мурашки.

– Что такое? – спросила она себя.

– Ничего особенного. Тебе пора просыпаться. С добрым утром. Присмотрись к миру хорошенько.

Она хотела что-то ответить, но звук будильника вырвал ее из сна. Все исчезло. Больше не было ни моря, ни леса, ни дома, а только хорошо знакомая комната с закрытыми шторами и надрывающийся телефон. Марта поспешила выключить звонок и села на кровати. Ей хотелось вспомнить сон во всех подробностях, но они ускользали, как песок сквозь пальцы. Кроме нее там был кто-то еще. Мужчина или женщина? Мужчина. У него было такое дурацкое имя. Но Марта уже не могла вспомнить.

4

– Так что же хотел сказать нам Иван Сергеевич Тургенев в своем романе "Отцы и дети"? – обводя взглядом класс, спросила Ольга Константиновна. – Кто хочет высказать свое мнение?

Она ожидала увидеть лес рук, но вместо этого желающих было всего двое. Все те же отличники Катя и Гоша. Ольга Константиновна понимала, что они знают ответ, но ей хотелось, чтобы заинтересованных в литературе учеников было гораздо больше. Она влюбилась в книги, когда еще училась в начальных классах и теперь не могла представить жизни без них. В них скрывалось так много историй и ответов на вопросы, которые тревожат каждого человека. И каждый раз видя, как молодое поколение страдает, пытаясь осилить тот или иной роман, она чувствовала укол в сердце.

– Неужели больше никто не хочет сказать? Евгеньев, что ты нам можешь сказать?

В четвертом ряду из-за средней парты встал худой юноша с рыжей копной волос.

– Ну...

– А без "ну"?

– Роман Тургенева рассказывает нам не только о конфликте отцов и детей, но и о столкновении старого уклада со взглядами молодого поколения.

- Потрясающе. Это правильно, да. Но я хотела, чтобы ты сам сказал то, что думаешь, а не то, как это написано там, где ты читаешь с телефона Жданова.

- Но я так и думаю, - обидевшись заявил Евгенийев.

- Ладно. Садись. Кто еще? Ларионова.

Марта нехотя встала, одергивая рубашку.

- Ты тоже начнешь говорить про общественный уклад, сложившийся в стране?

- Нет.

- Уже хорошо.

- Мне не понравилась книга.

- Почему? - заинтересовалась Ольга Константиновна.

- Мне кажется, что противостояние отцов и детей происходят не так, - чувствуя, как пересыхает в горле, произнесла Марта.

- А как?

- Никто не хочет никого слушать. Каждый говорит только о том, что верит и ему безразлично мнение другой стороны.

- Не очень понимаю, что ты хочешь сказать.

- Никто не будет вести себя так, как они.

- Ты прочитала ее целиком?

- Да, - запнувшись ответила девушка.

- Или краткое содержание?

- Извините, - Марта села на место, ощутив, как у нее горят щеки.

- Ладно, - вздохнула Ольга Константиновна. - Евгенийев правильно прочитал общую суть произведения. И Марта тоже в чем-то права. В реальной жизни дела обстоят несколько иначе. Тем более, в наши дни, но мы не должны забывать о какой эпохе идет речь, и что главной целью Тургеневы было не стремление описать реальный быт во всех его приятных и не приятных подробностях, а показать противостояние сторон, а потому он следовал принципам художественной литературы.

Марта поняла, о чем говорит Ольга Константиновна, и к своему удивлению осознала одну простую вещь: она видела не истинный смысл произведения, а перекладывала на него то, что переживала сама. Когда она читала книгу, то вместо того, чтобы следовать по страницам за Аркадием Кирсановым и Евгением Базаровым, перед ее взором всплывали образы отца и матери. Марта мысленно обругала себя, хотя совершенно зря. Она не знала, что такова человеческая природа, и людям свойственно искать отражение самих себя в окружающих предметах. И ведь, в конце концов, это не она упрямо насаждала свою точку зрения, не желая слушать о том, что в мире могут существовать и другие варианты. И не она молча жалела свою дочь, стоя в дверях. Марта была всего на всего девочкой пятнадцати с мягким характером и со своими мечтами и желаниями, которые по непонятной ей причине то и дело пытались втоптать в грязь, как нечто абсурдное и глупое.

- Сегодня пойдем гулять? - Снежана придвинула к подруге тетрадь.

- Да. Только не долго, - написала в ответ Марта.

- Отлично! - вывела большими буквами подруга и несколько раз подчеркнула.

Едва уроки закончились, девочки через парк направились к торговому центру. Парк был усыпан золотыми и бардовыми листьями, а с деревьев то и дело отрывался очередной листок, как символ того, что лето безвозвратно ушло.

- Как же я не люблю осень, - вздохнула Марта.

- Да, почему? Ты постоянно это говоришь, но не объясняешь.
- А что хорошего в смерти?
- Смерти? - Снежана остановилась и удивленно захлопала глазами.
- А как это еще назвать?
- Так весной же все вернется. Причем тут смерть? Посмотри, как красиво. Хочешь тебя сфотографирую? - не дожидаясь ответа, она полезла за мобильным телефоном.
- Не надо, - моментально ответила Марта, представив свой ужасный вид на фотографии, которую и не покажешь никому.
- Почему? Давай! Красиво будет. Только давай челку уберем. Тебя совсем невидно из-за нее, - Снежана потянулась, чтобы откинуть волосы с лица подруги.
- Нет, - Марта сделала шаг назад, и пальцы Снежаны пролетели по воздуху.
- Ладно. Не буду, - тихо ответила подруга. - Ты чего?
- Ты сама знаешь чего.
- Ну это же ерунда.
- Никакая не ерунда, - разозлилась девушка.
- Еще какая! Ты думаешь у меня с кожей все хорошо? Ничего подобного!
- Это другое. Давай не будем об этом.
- Ты вечно не хочешь говорить. Хочешь я тебе свой крем дам тональный?
- Я не хочу им пользоваться.

Каждый раз, когда Снежана встречала столь яростное сопротивление, у нее опускались руки, и она не знала, что сказать.

- Почему...

- Что почему? - человек, который не знал Марту, никогда по ее тону не определил бы, что она огрызается, приняв защитную стойку, но лучшая подруга могла уловить разницу.

- Почему ты так себя стесняешься?

- Ты сама знаешь.

- Нет. Я не знаю!

- Потому что я страшная, - сама того не заметив, Марта рукой поправила волосы.

- Ничего подобного! Ты красивая.

- Еще бы ты сказала по-другому.

- А это что значит?

- Ты моя подруга.

- И что же я теперь не человек и не вижу?

- Ты просто привыкла и не можешь сказать. Почему мы все еще об этом говорим? - если бы Марта умела, то у нее непременно из носа уже шел бы дым, а то и во всем огонь.

- А я говорю, что ничего подобного! Просто ты постоянно начесываешь волосы вперед и... эти дурацкие рубашки. Они же тебе велики. Если тебе сделать прическу...

Снежана увидела, как по щеке подруги скатилась одинокая слеза, и тут же оборвала фразу.

- Прости. Я не хотела тебя обидеть.

- Ты не виновата.

- Виновата, - не спрашивая разрешения, Снежана изо всех сил обняла Марту. - Ты очень красивая. А если не хочешь фотографироваться, то и не надо! А мне сфоткаешь?

- Хорошо.

Пока Марта фотографировала подругу на фоне деревьев и листвы, она думала о том, что Снежане легко говорить, когда не она сама тощая, как палка. У нее то все прекрасно, и ей не понять какво это каждый раз смотреть на себя в зеркало и видеть, что на тебя смотрит какое-то чудовище. Но она действительно не обижалась, хотя и не понимала, почему кому-то достается все, а ей ничего, ведь она не сделала ничего плохого.

Марта сделала еще одну фотографию и тут заметила на заднем фоне размытые очертания человека. Она подняла взгляд и ей на секунду показалось, что в глубине парка рядом с высоким кленом стоит молодой человек в длинном черном пальто. Его образ с ясностью выплыл из сна. Но стоило ей моргнуть, как там никого не было. Возможно, он попал на фотографии? Марта открыла галерею и принялась листать кадры в поисках незнакомца. Никого. Только улыбающаяся Снежана.

- Что случилось?

- Ничего. Показалось, что кто-то влез в кадр.

- Ладно. Хватит. Пойдем! А то сейчас скажешь, что тебе пора домой.

- Да, пойдем, - отдавая телефон, сказала Марта, а сама вглядывалась в кривые стволы деревьев, надеясь увидеть того, чье имя все еще было забыто.

Девочки пару часов бродили по торговому центру. Заглядывали в магазины, смеялись над странной одеждой, предлагая друг другу ее купить, и шли дальше. Прогулка закончилась двумя шариками мороженого. Снежана взяла ванильное, а Марта клубничное. Их выбор всегда был одинаковым. А если бы вдруг произошло наоборот, то обе девочки не стали бы его есть. Отношение Снежаны к ягодам было настолько же ужасным, как и у Марты к ванили. Никто не вспоминал да и не хотел вспоминать разговор, произошедший в парке.

Когда они расстались на перекрестке дорог, ведущих к их домам, на улице было еще светло. Время, когда зима укутывает ледяным одеялом город, а ночи будут длиннее дня, не спешило раньше назначенного часа.

– Как погуляла? – с кухни раздался хорошо знакомый голос мамы.

– Привет. Хорошо, спасибо.

– Ой, да. Привет. Мой руки и иди есть.

Проходя мимо родительской спальни Марты слышала звук работающего телевизора, но из-за закрытой двери не смогла разобрать ни слова. Отцовские вечера никогда не отличались оригинальностью. Он всегда приходил с работы, говорил, как он устал, после чего ел под новости и уходил в комнату, где сидел почти безвылазно, глядя первые попавшиеся фильмы. Марта не могла сказать, когда именно он стал таким, да и был ли вообще другим. Ей казалось, словно в ее детстве папа был гораздо более... Девушка задумалась о том, какое слово лучше всего подойдет в данном контексте. Удовлетворенным жизнью. Пожалуй, так. Вроде бы он любил проводить время за общением с семьей, играл с дочкой, куда-то ходил. Но когда это было? Трудно сказать. Может быть, она все придумала, слушая истории своих одноклассников. Тогда это было еще печальнее.

На столе стояла тарелка с макаронами и тертым сыром, а венчала ужин вареная сосиска. Только сейчас увидев горячую еду, Марта поняла, как проголодалась. Мама сидела напротив и пила чай с бергамотом, перелистывая свободной рукой какой-то канал с картинками и видео в телефоне.

– Со Снежаной ходила?

– Да. Мам, я же писала.

– Ну, мало ли вы еще кого-то встретили. Других подружек или мальчиков, – ее взгляд так и не отрывался от экрана телефона.

– Нет. Мы были вдвоем.

– А как в школе?

– Нормально, – макароны одна за другой исчезали с тарелки.

– У тебя всегда все нормально, – рассмеялась мама. – Мне кажется, если начнется конец света, то у тебя опять все будет нормально.

Мама либо не понимала, либо не хотела понимать, что дело вовсе было не в том, что все нормально, а в том, что дочь не хочет с ней делиться. Но ситуация ее устраивала. Не отнимала много энергии, не требовала вести долгих разговоров. Вполне хватало рядовых заученных фраз, чтобы верить в то, что она пообщалась с дочерью. Контакт поддержан, заинтересованность проявлена. Все свободны.

И Марта, сама не осознавая этого, привыкала, что так все оно и должно быть. Она получала отрицательный жизненный опыт, который ложился в фундамент ее формирующейся личности. Мама, которую она любила, не произнося ни слова, преподносила ей жестокий урок: между людьми (даже родными) пролегает огромная пропасть, и ее не преодолеть. Ты можешь видеть того, кто стоит на другой стороне, можешь улыбнуться ему и помахать рукой, но на этом все.

Жаль, Марта не знала, что пропасть создают сами люди. Стоит сделать шаг вперед, и ты увидишь, как под ногами вместо пустоты появляется клочок земли, и если другой человек пойдет к тебе на встречу, то вы окажетесь лицом к лицу, а от пропасти останутся только воспоминания.

Допив чай, мама поставила чашку в раковину и собиралась уйти, но дочка успела ее окликнуть.

– Мам?

– Да, солнце.

– Я завтра к бабушке съезжу? Вам же с папой ничего помочь не надо?

– Нет, не нужно. Я думаю мы будем дома. А ты ей звонила? Может она занята, – мать не любила, когда Марта одна едет через полгорода.

– Да, мы с ней договаривались. Она просила помочь со шторами и что-то еще.

– Ладно, только держи меня в курсе. Хорошо?

– Хорошо.

Мама исчезла в коридоре, а потом послышался звук открывшейся и тут же закрывшейся двери в родительскую спальню. На часах едва стукнуло девять вечера, но в квартире Ларионовых наступила тишина свойственная для ночи.

Марта помыла посуду и, погасив на кухне свет, ушла в свою комнату. Ее крохотный мирок пересекался с родительским только по необходимости. Они были чужими людьми, жившими под одной крышей, но с возложенной на них обязанностью быть семьей.

Марта сделала уроки, собрала рюкзак и только тогда, обессиленно рухнув на кровать, надела наушники и включила музыку. Хорошо знакомая мелодия заполнила собой пространство ее маленькой вселенной. Она снова вспомнила дом из сна и незнакомца. Деталей стало больше, но они все еще представляли собой разрозненные обрывки. Девушке хотелось вернуться назад, чтобы в этот раз запомнить все, как следует, обойти каждую комнату и, может быть, выйти за пределы дома. Лежа в темноте с закрытыми глазами, она не заметила, как уснула. Да только, к ее огромному сожалению, в эту ночь ей не приснилось ровным счетом ничего. словно по щелчку пальцев она открыла глаза, когда за окном было уже светло.

Моя дорогая Марта,

Я снова беру в руки дневник, чтобы написать тебе письмо. Никогда прежде не вел записей и потому довольно смутно представляю, как это стоит делать. С другой стороны, не думаю, что стоит сильно беспокоиться. Буду рассказывать тебе о самом важном и о том, что меня тревожит.

Сегодня я впервые встретил тебя во сне. Мне понадобилось немало времени, чтобы среди жизней миллионов людей найти твою и еще столько же, чтобы оказаться в твоих снах. Но все получилось. Ты увидела меня таким, какой я есть, а я впервые узнал, какой ты была.

Признаюсь, было довольно странно видеть в юной девушке твои черты. Также закрыта, также недоверчива и, как мне кажется, упряма. Я постарался не давить, чтобы не напугать. Еще не знаю получилось или нет, но будем надеяться на лучшее.

В своих снах ты создала огромный особняк. Он по-настоящему прекрасен, если убрать из него все лишнее, что ты почему-то посчитала необходимым. Мы стояли и любовались на бескрайнее море, обменявшись лишь парой фраз. Ты не представляешь, как сильно я хотел рассказать тебе абсолютно все. Буквально прокричать. И все для того, чтобы уберечь. Но я знаю, что если расскажу, то призрачный шанс тут же исчезнет, и все повторится вновь.

Пока я еще не до конца разобрался с тем, как происходят мои появления в твоей жизни, и чего это стоит. Ничего. Со временем я буду знать больше, а пока постараюсь сделать все, чтобы заслужить доверие маленькой Марты.

До свидания,

Твой Август.

Старая табуретка шаталась под ногами, но Марта старалась не подавать вида, что вот-вот готова упасть, а то бабушка Леся непременно начала бы нервничать и суетиться. Хотя, впрочем, она итак занималась именно этим.

– Тебя поддержать? – бабушка стояла рядом и переводила взгляд то с табуретки на внуку, то со штор на табуретку.

– Не надо, бабуль. Все хорошо, – слегка соврала Марта, а сама проклинала петельки, на которых висели шторы.

Бабушка любила свои тяжелые кремовые шторы, чей низ в буквальном смысле слова лежал на полу. Сколько раз ни пыталась Марта вспомнить, но в памяти не сохранилось ни одного мгновения, когда на окнах висело что-то другое.

Марта покачнулась и была готова вскрикнуть, как заботливые бабушкины руки уперлись ей в спину.

– Говорю же, давай поддержу. Не надо было тебя просить. Я и сама могла вполне справиться.

– Бабуль, мне правда нетрудно.

– Тебе, может, и не трудно, а я совсем обленилась.

– Неправда, – рассмеялась Марта, но улыбка тут же исчезла с ее лица, ведь она вспомнила, как вчера это же говорила Снежана в парке.

– Что случилось?

– Ничего. Задумалась. Еще совсем немного.

Вначале одна, а потом другая шторы упали на пол и тут же были подхвачены бабушкой, которая пошла в ванную, чтобы загрузить стиральную машинку. С чистой совестью Марта спустилась вниз.

– Поставишь чайник? Я сейчас подойду.

- Конечно.

Бабушка жила в двухкомнатной квартире в доме, построенном чуть ли не в середине прошлого века. Точно Марта не знала, но на вид он действительно был очень старым. Его ремонтировали и за ним следили, но тяжесть лет проступала даже через свежую краску.

Когда бабушка, наконец, пришла, на столе стояли две чашки и вазочка с печеньем.

- Ой, - вздохнула бабушка. - Ты и здесь все сделала.

- Ничего я не делала. Только чай налила.

- Теперь можешь рассказать, как у тебя дела. Я готова слушать, - улыбнулась бабушка Леся.

Всегда. Абсолютно всегда бабушка улыбалась и с заботой относилась к внучке. Даже в те моменты, когда она болела, то все равно надевала улыбку. Она не хотела, чтобы Марта или кто-либо еще видел ее слабой.

Как однажды, бабушка призналась: "Мой груз - это мой груз. И я не хочу без необходимости взваливать его на вас. Это не по-человечески. У каждого хватает своих собственных забот, и ненужно заниматься моими. Если мне действительно будет нужна помощь, то я непременно попрошу."

Кажется, она сказала это папе Марты во время спора. Тогда и только тогда девушка в первый и последний раз видела, как бабушка злится.

- Так ты расскажешь?

- Что? - опомнилась Марта.

- Как у тебя дела? Мы так и не пообщались нормально на дне рождения Тани, зато сейчас самое время.

- Норм..., - Марта осеклась и не стала договаривать. - Не знаю. Что-то хорошо, а что-то нет.
- Например? Я же у тебя не провидица. Язык создан, чтобы на нем говорить и делиться чем-то, а не играть в угадайку.
- Ты подумаешь, что я ненормальная.
- Глупости какие! Никогда так не подумаю.
- Мне кажется, я не справлюсь.
- С чем? - брови удивленно поползли вверх. - Милая, изъясняйся точнее.
- Со скрипкой. Я не успею подготовиться. Вчера вот день рождения, потом уже только во вторник, - с каждым словом Марта набирала скорость. - А там еще чего родители придумают. Мне времени не остается. Дома репетировать не получится. Папа вечно недоволен, когда я ее достаю.
- Теперь ты очень тараторишь. Не спеши, - бабушка погладила внучку по руке. - Все ты успеешь. Еще два месяца.
- Всего лишь.
- Целых два месяца, - настаивала Леся. - Чем больше ты будешь нервничать, тем меньше будет получаться. Скажи, есть польза от того, что ты так переживаешь?
- Нет, - призналась Марта.
- Тогда зачем? Давай ты спокойно будешь заниматься и все. Мы еще к этому вернемся. Что еще у тебя нового? Как в школе.
- Как обычно. Вот, пожалуй, в школе без перемен. Отличницей мне, думаю, не быть, но и без троек, наверное, закончить смогу.

– Звучит, конечно, не очень, – бабушка засмеялась, прикрывая рот рукой, – но уже неплохо.

– Как я не люблю алгебру с геометрией! Ты не представляешь! – Марта закатила глаза и тяжело вздохнула.

– Наверное, также как я химию. Поэтому еще как представляю. А что друзья?

Марта прикусила нижнюю губу. Ее смутило слово "друзья" во множественном числе. Последний раз, когда она дружила с кем-то кроме Снежаны, был в шестом классе, а с тех пор осталась только она.

– Милая моя, можно я скажу, но только ты не обидишься?

– Можно.

– Ты хорошая, добрая девочка, только совершенно не хочешь в себя поверить. Снежана, наверняка, хорошая подруга, но вокруг тебя много других людей. Ты ведь понимаешь, что не сможешь, как сейчас, всю жизнь сидеть с ней за одной партой? Потом вам исполнится по восемнадцать лет, и, вполне возможно, многое изменится.

– Я так далеко не заглядывала.

– А здесь не надо заглядывать. Жизнь такая штука. Я не предлагаю тебе дружить со всеми подряд. Я только прошу тебя не бояться этого делать. Иначе что? Ты останешься совсем одна? Будешь ходить из дома на работу, с работы домой и злобно поглядывать на окружающих только от того, что твой мир сожмется до крохотных размеров?

– Кажется, кто-то недавно говорил об этом.

– Кто?

– Я не помню, – нахмурилась Марта.

– Тогда этот кто-то был абсолютно прав. Не поступай так с собой.

- Да, кому я такая нужна?

- Какая?

- Вот такая!

Бабушка покачала головой.

- Ты в первую очередь нужна самой себе. Ты у себя одна. И, поверь мне, через год или два ты себя не узнаешь, - опираясь на стол, Леся поднялась. - А теперь погоди минутку.

Медленный шагками бабушка ушла в другую комнату. Марта заметила, что Леся шла, почти не поднимая ног и постоянно держалась за стену. Так было каждый раз, когда у нее начиналось обострение, и болела спина.

Из комнаты доносились звуки открывающихся ящиков шкафов и бормотание. Все закончилось победным возгласом: "Думала от меня спрятаться? Не вышло!"

Бабушка Леся вернулась со старым коричневым футляром в руках, который Марта видела раза три за свою жизнь, и у нее перехватило дыхание.

- Если твой папа против, то мы будем репетировать здесь! - решительно заявила бабушка.

- Но это ведь дедушкина скрипка.

- Дедушкина, да. Но, знаешь, я подумала и поняла, что если буду хранить память о нем таким образом, то это совершенно ни к чему не приведет. Он бы меня ругал за то, что я позволяю вещам чахнуть и умирать. Его скрипка, его книги и даже ботинки должны использоваться по назначению, а не гибнуть, спрятанные безутешной старухой.

- Ты не старуха.

- Это спорный вопрос, хорошая моя. Дедушки нет с нами уже десять лет, и за все это время я так и не осмелилась дотронуться до его вещей. Но... Ты помнишь его?

- Плохо, - призналась девушка. - Я помню вы приезжали к нам. Я выбежала из комнаты и увидела вас в коридоре. Дедушка держал в руках этот футляр, а на нем было, кажется, бежевое пальто.

- Да, бежевое. Все так. Оно до сих пор весит в шкафу. Ты можешь посмотреть, если захочешь.

- Потом я помню, как сижу в папином кресле. Накрыт стол, а дедушка играет на скрипке. Я не могла оторвать от него глаз. Но я не помню, что он играл.

- Ты не поверишь. То же самое, что любишь и ты - "Муки любви".

Марта улыбнулась, чувствуя, как на глазах наворачиваются слезы.

- Он... - Марта всхлипнула. - Он был таким чудесным.

- Да, - бабушка тоже заплакала. - Да, был. И если бы он был сейчас здесь или наблюдает за нами, он бы сказал, что хочет, чтобы ты играла на его скрипке. Знаешь, как он говорил?

Марта помотала головой.

- Музыкальные инструменты - живые создания, но живут они только тогда, когда из них льется музыка, - бабушка положила футляр перед внучкой. - Давай откроем ее, и ты сыграешь.

- У меня плохо получается.

- Даже если так, то у тебя есть дедушкина скрипка, чтобы научиться. Давай. Смелее.

Марта нажала на два маленьких замочка, и они тут же отщелкнулись. Ее тонкая рука провела по старой грубой поверхности футляра, тут и там на пути встречая царапины и небольшие вмятины. Марта подняла крышку и увидела ее.

В этом не было никакого смысла, и она не могла объяснить, но она почувствовала запах одеколона дедушки, словно он стоял за спиной и наклонился над ее плечом, чтобы тоже взглянуть на музыкальный инструмент.

Он ушел так рано. Марта помнила его лицо только по фотографиям. Но чувство, как она сидела у него на коленях, пока он читал ей книжку с яркими картинками, никогда не покидало ее. Она помнила, как поднимала голову, чтобы взглянуть на дедушку, но лицо ускользало, и оставался только образ.

– Попробуй, – уверенный голос бабушки говорил о том, что она настроена решительно.

Марта с трепетом прикоснулась к корпусу скрипки и достала ее и смычок из футляра.

– А соседи?

– Не бери в голову! – Леся махнула рукой. – Там живут все те же ворчуны, что и двадцать лет назад, и их никогда не смущало, когда играл твой дедушка.

Марта взяла скрипку, как ее учили, закрыла глаза и провела смычком по струнам. К огромному удивлению, инструмент оказался настроен почти идеально. Если бы девушка знала, что бабушка заранее приготовилась к предстоящему разговору и настроила скрипку, то волшебное удивление тут же исчезло бы.

Пусть мелодия и не звучала, как должна, но все равно у нее получалось. Марта начала с того, что они учили на занятиях в прошлом году. Нервничая и дрожа от волнения, она продолжала играть, не открывая глаза. Но если бы в это самое мгновение она посмотрела на бабушку, то увидела бы на ее лице счастье и грусть, смешанные вместе. Бабушка Леся больше не видела смысла сдерживать себя и плакала, утирая слезы первым попавшимся под руку полотенцем. Неожиданная репетиция продолжалась по-настоящему долго. Марта играла и играла. Она не хотела и не могла остановиться. Так продолжалось до тех пор, пока кто-то не зазвонил в дверь.

Смычок больше не лежал на струнах, а Марта с испугом смотрела на бабушку. Наверняка, соседи пришли жаловаться! Так она и знала! Не надо было начинать.

- Не обращай внимание. Я сейчас.

Бабушка пошла к двери, оставив Марту стоять посреди кухни, крепко сжимая инструмент.

- Леся, привет, - послышался отчетливый старческий голос. - Скажи мне, что происходит? Я выжил из ума и теперь у меня галлюцинации или я слышал скрипку? Что ты так на меня смотришь? Не мог же Борис вернуться.

- Старый ты дурак! Не говори глупости. Да, ты правильно все услышал, но это Марта играет.

- Кто? - удивился голос.

- Внучка моя. Марта. Она учится, и я дала ей скрипку Бори.

- Ох, Боже мой. А то я испугался. Думал, мне пора скорую вызывать. Вдруг инфаркт миокарда?

- Успокойся. Мы тебе не сильно мешаем?

- Теперь, когда я знаю, что смерть не стучится ко мне, не мешаете.

- Спасибо. Ты извини, что не приглашаю послушать, но репетиция для музыканта дело интимное.

- Да-да. Я понимаю! Привет Марте. И скажи, что она молодец.

- Передам.

Дверь закрылась, и меньше чем через минуту на кухню вернулась бабушка.

- Полагаю, ты все слышала?

- Да, слышала, - с улыбкой подтвердила Марта и положила скрипку обратно в футляр.

- Ты чего? Он же сказал, что мы никак не мешаем.

- Мне кажется, на сегодня хватит. Я немного устала.

- Хорошо, но знай: ты можешь приезжать в любой день. Не слушай, что тебе говорит отец. Он уперся, а ты его знаешь. Приезжай, когда тебе будет удобно. Скрипка будет тебя ждать. Договорились?

- Да. Спасибо, бабуль.

- Я ничего такого не сделала. Я здесь, чтобы помогать тебе, милая моя.

В тот день, когда Марта уехала от бабушки, по дороге к метро она задумалась и, как ей казалось, поняла, почему папа так ярко был против того, чтобы она играла дома, да и вообще против скрипки. Увидев реакцию бабушки Леси и свою при воспоминании о дедушке, Марта поняла, что, возможно, отец переживает потерю отца ничуть не меньше. Он также не сумел за все эти годы смириться, а каждый раз, когда он слышал, как смычок двигался по струнам для него это было словно ножом по сердцу. Папа не мог позволить признаться в подобной слабости ни себе ни другим, и все, что ему оставалось, это защищаться от того, что так сильно ранит.

Сделав шаг с платформы в вагон поезда, Марта осознала, что сегодня полюбила отца чуточку сильнее, но пусть это останется ее тайной.

Вернувшись домой, Марта тихонько разулась, заглянула на кухню, где мама снова сидела, уткнувшись в телефон.

- Привет, - сказала Марта.

- Привет, - не поднимая головы, сказала мама.

Марта оставила ее и пошла к родительской спальне. Из телевизора доносился знакомым бубнеж героев очередного фильма. Приоткрыв дверь и заглянув внутрь, Марта хотела поздороваться с папой, но увидела, что он спит, повернувшись на бок, и поспешила исчезнуть.

Умывшись и почистив зубы, девушка спряталась в знакомом для себя мире. Сегодня не нужно было делать никаких уроков, и потому можно было посветить время чему-то по-настоящему приятному.

Марта забралась на кровать и поставила на колени ноутбук – ее ждала новая комедия, только сегодня появившаяся на пиратском сайте. Глядя фильм, Марта и не догадывалась о том, что грядущей ночью вернется в таинственный дом и во второй раз встретит незнакомца, чьего имени так и не смогла вспомнить.

7

На первый взгляд казалось, что в доме ничего не изменилось. Все те же старые стены и бесконечные растения с красными бутонами, заполонившие собой залы, коридоры и комнаты. Но все-таки что-то было иначе. Марта потратила некоторое время, недоумевая, пока не заметила слабый теплый свет, стелившийся по полу из-за закрытых дверей в конце коридора.

Приложив ухо в двери, девушка прислушалась. С обратной стороны доносилось шуршание и чей-то голос. Марта аккуратно открыла дверь и заглянула внутрь. Перед ней предстала гостиная, в центре которой висела красивая кованая люстра с шестью лампочки. Именно от них и исходил столь приятный свет.

Растения не добрались до этой комнаты, и потому здесь были только разбросанные вещи, покрытые толстым слоем пыли. Марта не сразу заметила человека, сидевшего у камина на корточках, поскольку его черное пальто слилось с темными стенами.

– Ой, – воскликнула девушка, увидев движение.

- Спокойно, - Август тут же поспешил ее успокоить. - Это я. Ты же меня помнишь?

- Да, помню. Точнее днем я забыла, но сейчас помню.

- Вот и отлично, - молодой человек улыбнулся. - Я хотел развести огонь, но похоже дымоход забит, и пока такое счастье нам не светит.

Только сейчас Марта обратила внимание, что кроме пальто он одет в белую кофту, черные джинсы и ярко-ярко красные высокие кеды. Они настолько выделялись среди окружающих предметов, что Марта удивилась, как она не заметила их в первый раз.

- Ты чего?

- Твои кеды..., - девушка не отрывала от них взгляд.

- Нравятся?

- Их ведь не было тогда на балконе?

- Не было, - кивнул Август. - Я подумал и решил, что так гораздо лучше. Разве нет?

- Прикольно, - отрешенно согласилась Марта, но до нее тут же дошел смысл сказанного. - Подожди, что значит решил?

- То и значит. Мы же во сне. В конце концов, это место, где оживают любые образы.

- Но ведь, если я тебя придумала, значит и кеды тебе придумала я?

- Если ты меня придумала, - медленно произнес Август, - то да.

- Я не люблю красный цвет. Зачем мне делать их такими?

– Я знаю, что не любишь, а вот я всегда мечтал именно о таких и, когда купил был счастлив. Подумал, что и здесь они мне подойдут.

– Можно они будут зелеными?

Август глубоко вздохнул.

– Ты не дашь мне покоя, верно?

Марта не ответила, а лишь удивленно взглянула на собеседника.

– Если ты считаешь, что я твоя выдумка, так перекрась их сама. В противном случае я отказываюсь. Мне нравится красный.

– А как? – Марту совершенно не интересовало пожелание Августа и ей хотелось избавиться от этого яркого пятна.

– Что как? Как перекрасить? Силой мысли. Смотри, – Август указал на стол, с кучей сваленных конвертов, и там через секунду на самой верхушке появился маленький букетик полевых цветов. – Я представил, и он появился.

На первый взгляд все казалось довольно просто, но на деле ничего не получалось. Марта и так и сяк пыталась представить зеленые кеды, даже напрягала все до единой мышцы лица – бесполезно.

– Не выходит, да? Потому что я не твой вымысел. И кеды останутся красными.

Марта недовольно цокнула.

– Тогда кто ты? И что делаешь в моем сне?

– Я твой друг, моя дорогая Марта.

– Неправда. Я тебя не знаю, – Марта машинально сделала два шага назад.

– Моментальная защитная реакция.

- Что?

- Я не психолог, но сама посмотри. Вот прямо отвлекись на секунду. Ты отошла назад и скрестила руки на груди. Моментом. Намек на опасность и отстранение в защитной стойке.

- Ничего подобного, - разозлилась девушка.

- Хм, - улыбнулся Август. - Я и не прошу тебя соглашаться. Я обратил твое внимание.

Девушка молчала, глядя на Августа исподлобья, и не двигалась с места.

- Полагаю, ты все-таки ждешь ответ? Хорошо, - Август расположился в одном из кресел возле камина. - Садись, так удобнее.

- Мне и так вполне удобно.

- Как скажешь, но помни, что это всего лишь сон, а значит тебе не угрожает никакая опасность. Ты всегда можешь проснуться и моментально окажешься дома, - молодой человек немного подождал, надеясь, что Марта сядет, но чуда не произошло. - Как я уже сказал, я твой друг. Ты же видишь, что я старше тебя лет на десять?

- Угу.

- Так это потому, что мы еще не встретились.

- Докажи! - Августу даже показалось, словно девушка слегка притопнула ногой.

- Как я тебе докажу?

- Если ты мой друг, то скажи что-то... Нет, - плечи опустились вниз, и она отвела взгляд. - Если я тебя выдумала, значит ты знаешь тоже самое, что и я.

- Именно, а фотографии я тебе принести не могу.

- Хорошо, пусть ты говоришь правду, но почему ты здесь?

- Мне кажется, тебе сейчас не помешал бы друг.

- У меня есть друзья, - Марта продолжала держать крепкий щит.

- Конечно, но разве ты с ней обсуждаешь что-то по-настоящему важное?

- С ней? - словно не понимая, спросила Марта.

- Снежаной.

- Это не твое дело.

- Действительно, не мое, - согласился Август. - Но я прекрасно знаю, как иногда нужен кто-то, кто тебя выслушает. Я не могу сказать, что эмоции особенно часто закипают внутри меня. Такой уж характер, но в те разы, когда это происходило, мне хотелось поделиться с человеком, который готов выслушать. Выплеснуть, успокоиться и узнать его мнение. Мы иногда себе так много надумываем, что даже представить страшно.

- И зачем ты мне это говоришь?

- Хочешь сказать, что с тобой так не бывает? И ты не понимаешь, о чем я говорю?

- Нет, - твердо сказала Марта.

Август смотрел на юную девушку и видел, как она напряжена. Прямые ноги, как у солдата по стойке смирно, руки, скрещенные на груди и плотно сжатые губы. Словно кошка соблюдающая безопасное расстояние, но не пытаюсь бежать, Марта наблюдала за новым знакомым со страхом и интересом. С каждым его вопросом девушка испытывала все больший дискомфорт и приближалась к черте, когда ноги, не спрашивая разрешения, все-таки понесут ее прочь. А все от того, что в словах Августа звучала правда, в которой она не осмеливалась себе признаться, но чувствовала ее.

– Я не враг тебе, Марта. Если хочешь, я могу уйти, а, когда понадобится, позови меня, и я услышу. Обещаю.

– Уходи, – сказала она, хотя хотела, чтобы он остался.

– Послушай, не нужно быть столь категоричной. Я вовсе не хотел тебя задеть...

– Уходи, – неизвестно откуда взявшимся решительным тоном заявила Марта.

Ее голос разнесся по дому, сотрясая стены. Кое-где с потолка сорвались небольшие кусочки краски.

Все ее нутро требовало, чтобы Август исчез и перестал докучать словами, с болью отдававшимися в груди. Организм старался защититься, спрятаться от того, что ранит, а душа наоборот тянулась к незнакомцу, словно мотылек к яркому свету лампы. Он не был ей отцом, братом, и не мог быть возлюбленным, но в нем было что-то, излучавшее тепло, которого так мало оставалось у самой девушки.

– Как скажешь, – понуро ответил Август. – но запомни: не дай страху говорить за тебя. До свидания, Марта.

Он исчез у нее на глазах, не оставив от себя и следа. Сердце, прежде бившееся с дикой скоростью, начало успокаиваться. Угроза или то, что организм считал угрозой, исчезло.

В тот самый момент Марта еще не понимала, что отрицание и бегство вовсе не спасение. Она испытывала двойные чувства, захлестнувшие ее, как морские волны в шторм, и потому прежде всего Марта хотела успокоиться.

Дом опустел еще больше. Девушка бродила по его бесконечным коридорам, изучала картины, что выглядывали из-под толстых стеблей растений и листов. Ей хотелось понять, что значит этот дом, почему именно он. Когда на пути попадались двери, она непременно в них заглядывала, изучая скудную обстановку. Здесь не было никаких ответов: каждый предмет ни о чем ей не напоминал и ничего из себя не представлял.

Марта то и дело оглядывалась, в глубине души надеясь, что Август идет позади, но она была совершенно одна.

Самая последняя комната ждала в конце длинного извилистого коридора. С опаской отворив дверь, Марта заглянула внутрь. В самом центре стояли стул, стол и письменные принадлежности на нем. Сделав несколько шагов, девушка заметила прямоугольный конверт из бежевой бумаги, на котором было выведено "Для Марты".

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что никто не затаился в углу, девушка взяла конверт в руки и открыла его.

Как она и ожидала, там лежало письмо, написанное тем же почерком.

Моя дорогая Марта,

Я спрятал это письмо на всякий случай, но, полагаю, оно рано или поздно все-таки найдет своего адресата. В одну из наших первых встреч ты обязательно прогонишь меня.

Хоть ты и не веришь, но дело в том, что я не твой вымысел и знаю тебя. Знаю твой характер, привычки. Прекрасно могу лишь по одному взгляду понять, когда ты злишься, грустишь, радуешься. Мне близки и понятны все твои черты.

Наверное, ты думаешь, что это я тебя обидел и должен извиниться. Как знать? Возможно, если это так, то прошлый я просит у тебя прощения.

Но есть еще вероятность того, что ты оттолкнула меня, когда я посмел переступить границы твоей зоны комфорта, а если это так, то я поступил так совершенно осознанно. Скоро ты поймешь, о чем я говорю, но вначале нужно немного остыть.

За одно мгновение я никак не могу доказать тебе, что я твой друг. Во-первых, это просто невозможно, а, во-вторых, все время, что я тебя знаю, ты всегда была, как бродячая кошка. Недоверчивая, пугливая, но при этом смелая и решительная. Знаю, это звучит довольно странно. Такое непонятное сочетание в

одном человеке. Но на самом деле, здесь нет ничего сложного, и, если ты позволишь мне вернуться, то я обязательно все объясню.

А, пока мы общаемся через это письмо, я хотел бы, чтобы ты задумалась о том, как на самом деле бескраен твой мир. Этот дом и все, что вокруг него, ты создала сама от первого до последнего кирпичика. Здесь хранится гораздо больше тайн, чем ты можешь себе представить, но сейчас они скрываются под бесконечными растениями, что, как ты считаешь, защищают тебя.

Всю жизнь прятаться за стеной – вовсе не выход. Твои мысли, твоя душа стремятся вырваться наружу – окрасить дом другими цветами, наполнить его жизнью, но ты боишься, что им причинят боль.

Да, жить порой действительно больно, но жизнь в клетке превращается в существование, когда ты сама отгоняешь от себя все прекрасное, что тебе окружает. И однажды может настать день, когда ты и вовсе забудешь о том, что за пределами клетки может что-то быть.

Совсем скоро ты проснешься, и часть сна, наверняка, закроется пеленой, но я надеюсь, что мои слова останутся с тобой, чтобы помочь начать новый день с улыбкой.

Твой друг

Август.

С добрым утром!

Марта аккуратно сложила письмо обратно в конверт и вернула его на место. Он был здесь без нее. Август приходит и уходит не одновременно с ней, а по какой-то известной только ему схеме. Девушка осмотрела комнату и, не найдя больше ничего интересного, вернулась в коридор, закрыв за собой дверь.

Ей хотелось выбраться на улицу, но она знала, что вряд ли успеет, ведь странное чувство, знакомое по прошлому пробуждению медленно разрасталось внутри нее. Все-таки дойдя до главного холла, Марта дернула ручку двери,

которая, однако, не пожелала поддаваться.

Волна света накрыла девушку с головой, и вот она уже лежала в своей комнате на кровати, уставившись в потолок. Первое, что пришло ей в голову – это записать каждый фрагмент, пока они не успели ускользнуть в небытие.

Схватив первую попавшуюся тетрадь, девушка принялась писать без остановки. Процесс настолько ее увлек, что она совершенно позабыла о будильнике, который надрывался на тумбочке.

8

Когда с записями было покончено, Марта спрятала свое сокровище под матрац и поспешила в ванную, поскольку начала выбиваться из собственного графика. Она так спешила, что уронила шампунь, полотенце и даже, когда их поднимала умудрилась снести с полочки зубные щетки и пасту, сопровождая все ужасным шумом, который, как она боялась мог разбудить родителей. Прижав к груди полотенце, девушка прислушалась. Тишина. К счастью, незапланированные погромы никак не повлияли на жителей квартиры. И тут она неожиданно замерла, глядя на отражение в зеркале. На нее все также смотрело лицо, пугавшее ее худобой, а на голове в разные стороны торчали волосы. Но сегодня что-то было по-другому. Она долго не могла понять, что именно пока не заметила легкую улыбку на лице, от чего та расплзлась еще шире. Удивившись странной перемене Марта резко помотала головой, словно сбрасывая с себя неправильные эмоции, и полезла в душ.

Но это удивление было крохотным в сравнении с тем, что ждало ее впереди. Расчесывая волосы, она буквально на секунду подумала: «А может сделать хвостик?». Реакция не заставила себя ждать – она тут же представила, как торчат острые скулы, а на лбу виднеются прыщи, и глаза распахнулись от ужаса.

– Нет, нет, нет, – повторяла Марта пока причесывала волосы в привычной манере.

Раздался стук в дверь, от чего Марта подпрыгнула на месте. Все-таки разбудила! Марта открыла дверь и увидела на пороге заспанное лицо мамы.

- Доброе утро. А ты далеко собралась в воскресенье?

- Воскресенье? - удивилась Марта.

- Да, воскресенье. Я не думаю, что тебя впустят в школу.

- Я почему-то...

- Да, так бывает. Иди лучше ложись. Поспи еще.

Ошарашенная таким поворотом событий, Марта вернулась в комнату и упала на кровать. Сон так выбил ее из колеи, что она позабыла обо всем на свете. Конечно, еще был виноват и настырный будильник, который она забыла отключить, но на него никак нельзя было спихивать всю вину.

Она лежала, глядя в окно, и думала, что уже вряд ли сможет уснуть. Впереди у нее был целый свободный день. Уроки все сделаны еще в пятницу, а значит можно гулять, смотреть кино или вовсе ничего не делать, а залипнуть в мобильный телефон. Но это все совершенно не то, чего она хотела. Вчерашний день, когда бабушка дала ей скрипку, стал каким-то особенным. Он был похож на сказку. Взгляд Марты упал на футляр с ее скрипкой. Теперь она определенно знала, чем хочет заняться, да только глаза медленно закрылись, и девушка все-таки погрузилась в сон. Ей виделись странные обрывочные образы, не имевшие никакого смысла, но при этом не носившие в себе никакой тревоги или угрозы.

Когда Марта проснулась, на часа было уже одиннадцать утра, хотя, наверное, правильнее будет сказать дня. Яркий солнечный свет пробивался в окно, встречая сопротивление шторы. Из-за закрытой двери было слышно, как на кухне мама с папой что-то обсуждают под гудение телевизора. Кто-то гремел посудой. Марта лениво потянулась и вылезла из кровати. Мысль о скрипке никуда не делась, а план стал более отчетливым. Одеться, позавтракать и незаметно выскользнуть с инструментом в руках, сказав, что пойдет гулять со Снежаной. Чтобы задумка не провалилась нужно было предупредить подругу. Когда Марта взяла телефон, то увидела, что та уже успела написать ей несколько сообщений и скинуть какие-то картинки. Развернув мессенджер,

перед глазами предстали длинные текстовые сообщения, два голосовых и картинка с юмором, который Марта никогда не понимала.

Снежана во всех красках писала и рассказывала про индийский сериал, захвативший все ее внимание. Она ни в первый раз настаивала, что подруга обязана его посмотреть, потому что это что-то с чем-то, а Марта всегда кивала в ответ: «Когда будет свободное время попробую».

- Привет, - написала Марта. - Я попозже прочту. У меня к тебе просьба. Можно?

- Конечно, можно! - почти сразу ответила Снежана. - А ты гулять пойдешь сегодня?

- Нет. Я хотела попробовать в дом культуры сходить порепетировать.

- Скрипка?

- Ага. Может быть, меня пустят.

- Гулять совсем-совсем не хочешь?

- После, если времени будет не много. Хорошо?

- Если я не уеду, то давай. Не хочу дома сидеть.

- Извини. Мне правда нужно позаниматься. Папа против, чтобы я играла дома. Он в последнее время сам не свой.

- Ясно. А просьба какая?

- Если вдруг что можешь сказать, что я с тобой гуляю?

- Боишься заругают?

- Боюсь.

– Ладно, – пришел ответ через пару минут. – Но с тебя... Не знаю. Придумаю еще!

– Спасибо! – воскликнула Марта, дополнив сообщение несколькими смайликами.

Все складывалось, как нельзя лучше. Марта пришла на кухню, как раз вовремя, чтобы успеть к горячему омлету с колбасками. Уминая вкусную мамину стряпню, ей невольно пришлось стать слушателем спора о тяжелой судьбе какого-то актера, который жил задолго до рождения самой Марты. Она не имела ни малейшего представления, о чем говорят родители, и потому старалась особенно не вникать, хотя это довольно трудно сделать, когда оба оппонента сидят по левую и правую стороны от тебя. Когда с завтраком было покончено, Марта сама пошла мыть тарелку, чтобы подготовиться соврать о своих планах. В столь незначительной и безобидной лжи не было совершенно ничего страшного, но от этого она вовсе не становилась правдой. Именно это и вызывало дискомфорт. Марта не хотела и не любила врать, хотя почти в совершенстве научилась о чем-то умалчивать и терпеть, что, в действительности, представляло собой точно такую же ложь.

– Я... пойду погуляю со Снежаной? – унимая дрожь в голосе, спросила Марта.

– Да, конечно, – ответила мама, а папа только кивнул.

Ей хотелось дополнить ложь еще какими-нибудь фактами, чтобы она казалось более правдоподобной и, как ей казалось, не вызывала никаких подозрений, но поскольку родители не проявили никакого интереса, то и необходимости в этом не оказалось.

С чего вообще начинается ложь? Для того, чтобы врать у людей бывает множество причин, но в конечном итоге они так стараются получить желаемое или избежать ответственности. Марте подходило оба варианта: ей хотелось, как можно скорее, прикоснуться к музыкальному инструменту и не быть наказанной папой за непослушание. К сожалению, люди не могут обойтись без лжи, но ее было бы значительно меньше, если бы люди умели и хотели слушать. Понимать друг друга. Можно сказать, что врать Марту вынудили именно родители. Она ведь не планировала делать ничего плохого или кому-то вредить – она хотела играть. И нежелание родителей понять столь простое и искреннее желание дочери вместе с угрозой наказания и порицания буквально заставили девушку принять меры, которые были ей отвратительны.

Марта не просто шла, а почти летела по улицам города к своей цели. Под густыми прядями волос пряталась улыбка, которую она никак не могла стереть с лица, сколько ни старайся.

Старенький дом культуры дремал в тени высоких пожелтевших кленов за толстым забором с острыми пиками на верхушках. Желтые стены здания требовали покраски, но людям было не до этого. Кто-то уверял, что не хватает денег, кто-то говорил, что нет рабочих, но итог был прежним – здание медленно оседало, а краска таяла под бесконечными дождями и снегопадами.

– Здравствуйте, Степан Сергеевич, – Марта возникла перед охранником, когда он наливал себе чай.

– Что ж ты так залетаешь? А если бы я чайник уронил? – посетовал пожилой мужчина с густыми седыми усами.

– Извините, а сегодня есть кто-нибудь?

– Кто-нибудь это кто? Я есть. Но ты вряд ли пришла ко мне.

– Нет, я имею из учителей.

– Хм, – Степан Сергеевич поправил черную квадратную фуражку. – Марина Евгеньевна занимается с младшими шахматами, да Михаил Дмитриевич где-то там бродит.

– Михаил Дмитриевич? – обрадовалась Марта, поскольку речь шла о преподавателе пианино. – Он, наверное, в зале?

– Нет. На втором этаже.

– Спасибо! – Марта снова помчалась только теперь уже вверх по лестнице.

Степан Сергеевич проводил ее взглядом.

– Странно, – подумал он. – Обычно и слова не скажет, ходит, как призрак. Дети...

Михаил Дмитриевич нашелся в коридоре. Собственно говоря, он и не пытался прятаться, а стоял возле сломанного окна, разложив перед собой инструменты, и напряженно думал, созерцая искривившуюся раму.

- Михаил Дмитриевич, здравствуйте.

- Здра...вствуй, - он определенно не узнал девушку.

- Я - Марта. Я учусь у Кристины Федоровны.

- Ааа. Да. Точно. Ее сегодня нет. Сегодня вообще выходной. Ты то что тут делаешь?

- Я хотела попросить вашего разрешения немного позаниматься скрипкой в классе.

- А отдыхать не пробовала? Я давно не видел, чтобы кто-то по собственной воле отрывался компьютера или телефона.

Марта только пожала плечами, словно не понимая, о чем он говорит.

- Я, конечно, не знаю почему ты решила спросить меня. Но... пожалуйста.

- Вы же тоже музыкант.

- Музыкант? - рассмеялся преподаватель. - Теперь я только учу. Какой же я музыкант. А ты значит решила найти коллегу по духу и узнать у него? Интересно. Ладно. Иди давай уже. У меня дел еще много.

Довольная своими успехами Марта быстрой походкой направилась в класс музыки.

- Только это! - окликнул ее Михаил Дмитриевич. - Ничего там не трогай. И чтобы через... два часа заканчивала, а то я сам приду и выгоню тебя.

– Спасибо, – Марта не стала сопротивляться, хотя полагала, что может задержаться и дольше.

Просторное помещение, где на стенах висели портреты известных композиторов и разные заметки про историю музыки, на ближайшее время полностью принадлежало Марте. Она вдохнула носом пыльный воздух, но вместо неприязни почувствовала прилив вдохновения. Закрыв за собой дверь, девушка достала скрипку, ноты, которые открыла на нужной странице на подставке, и, больше не теряя времени даром, принялась играть. Грустная мелодия рождалась по ее воле и начинала кружиться по классу, пока не затихала в самом центре под потолком. Чтобы научиться играть, как следует, девушке предстояло репетировать и репетировать. Но, каждый раз сбиваясь, она смотрела, что делает не так и начинала с начала.

Наверное, со стороны и особенно для человека далекого от музыки, звуки, доносившиеся из класса, казались бы чем-то похожим скорее на шум, но те, кто в этом разбирался, сразу бы понял в чем дело. Так и Михаил Дмитриевич, продолжая ремонтировать окно, иногда замирал, прислушиваясь, чтобы узнать, как Марта справляется с ошибками. И, когда с третьей или даже с десятой попытки она исправлялась, он улыбался и довольно качал головой.

Когда-то давно Михаил Дмитриевич мечтал стать музыкантом, писать музыку и хотел, чтобы однажды в кинотеатре люди услышали в фильме его произведение, но, к сожалению, по множеству причин этому не суждено было сбыться. Сам он частенько ругал себя за то, что во всем виновата его лень, из-за которой он часто откладывал занятия. Он считал, что именно в этом кроется главная беда. Год за годом лень становилась все сильнее, а окружающая действительность все привычней и безопасней. Михаил Дмитриевич даже и не заметил день, когда отказался от своей мечты и свыкся с мыслью быть преподавателем в провинциальном городке. В этой профессии нет абсолютно ничего плохого, а скорее наоборот, но ее главная цель помогать молодым людям твердо встать на ноги и двигаться к цели. Именно это и нужно любить, а вот Михаил Дмитриевич об этом не думал. Он просто делал то, что умеет.

– Умница, – услышав очередную победу Марты, прошептал преподаватель и продолжил крутить шуруп.

Прошел час, и Марта сумела справиться со многими серьезными ошибками, но одно место в произведении никак не желало ей покоряться. Она снова и снова

спотыкалась на нем и никак не могла понять, что же не так. Пыталась повторять только один конкретный кусочек, играла с самого начала, делала небольшую паузу, но ошибка не желала уходить. Вначале едва заметно, но с каждой попыткой все больше к воодушевлению примешивалось раздражение, и, когда его стало слишком много, Марта чуть не бросила скрипку на пол, но успела сдержаться.

- Все. Не хочу больше! - сказала она сама себе и собиралась убрать инструмент, как вдруг остановилась.

Девушка почувствовала, словно она в классе не одна. Кто-то подтолкнул ее руку, и Марта прижала скрипку к плечу.

- Еще разок, - произнес беззвучный тихий голос.

- Еще разок, - повторила она и начала играть.

Добравшись до проклятого места, Марта почувствовала, как начала нервничать, и снова ошиблась. От обиды хотелось заплакать.

- Еще разок, - снова прозвучал голос, но слушать его не было никакого желания. - Все получится. - не унимался он.

Он звучал откуда-то издали, но при этом находился совсем рядом. Будучи едва уловимым, Марта даже не отвала себе отчет в том, что действительно его слышит.

- Ладно, - вздохнула девушка. - Последний раз.

Музыка вновь ожила и с новой силой закрутилась по классу. Каждый момент, где она прежде оступалась в этот раз звучал хорошо. По крайней мере, она так считала. Конечно, до идеала было еще очень далеко, но самое главное состояло в том, что Марта поняла, как нужно играть.

Добравшись до проклятого места, волнение накатило с новой силой, и девушка опять оступилась. Доиграв до самого конца, Марта обессиленно опустила руки. Ей стоило бы радоваться, что она сумела столько всего сделать, но упрямая

ошибка перечеркивала все. Таков был ее характер. Она даже успела подумать о том, что папа был прав, и нужно прекращать развлекаться и заняться учебой, но упрямый голос никуда не исчез.

– Все получится. Не сейчас. Но все обязательно получится, – настолько тихо твердил он, что звук слабых порывов ветров за окном казался значительно громче.

Спрятав скрипку и ноты в футляр, Марта покинула класс. На прощание кивнула Михаилу Дмитриевичу, который только посмотрел ей вслед, не сказав ни слова, и вышла на улицу, где в нос ударил запах сухой листвы. Снежана ждала возле кондитерской на углу, и потому стоило поспешить.

9

Моя дорогая Марта,

Ты всегда была загадкой в том, как умудряешься сочетать в себе черты, которые на первый взгляд кажутся слишком противоречивыми, чтобы уживаться в одном человеке. Сегодня я в очередной раз стал свидетелем такого противоречия.

К сожалению, я так и не научился вырваться за пределы снов и потому могу следовать за тобой, только как призрак. В таком состоянии пользы от меня совсем немного, но с этим уж ничего не поделаешь.

То ли из-за разговора с бабушкой, то ли из-за сна, а может быть, всего понемногу сегодня вместо того, чтобы отдохнуть, ты, обманув родителей, отправилась играть на скрипке в дом культуры. Я зашел в класс вместе с тобой и расположился возле окна. С самого утра ты жаждала этого момента. Ты стремилась скорее прикоснуться к скрипке, и, едва пальцы коснулись лакированного дерева, как ты принялась без устали репетировать одну и ту же композицию.

Буду честен и скажу, что предстоит еще над многим поработать, но твоё рвение рушило все преграды. Если так будет продолжаться и дальше, то боюсь, что ты

будешь играть лучше, чем сам автор.

Правда, есть один переход, который тебя не просто смутил, а вывел из себя. Я видел по твоим глазам, как меняется настроение. Первой исчезла улыбка, затем в глазах загорелся огонек полный злобы, а еще через секунду ты была готова разнести не только скрипку, но и всю мебель вокруг.

Я не знал, услышишь ты меня или нет, но успел подбежать и сказать лишь два слова: «Еще раз». И ты... Представляешь? Ты услышала! Ты попробовала снова – не получилось. Тогда я повторил. Ты не сдалась, Марта. Ты продолжила бороться, хотя из-за такой ерунды была готова все бросить.

Ты даже не представляешь, какая безграничная сила скрывается в тебе. Просто иногда нужен кто-то, кто тебя остановит или поддержит, чтобы сила не свернула на путь разрушения.

До свидания,

Твой Август.

10

Целую неделю Марта боялась того, что ей снова приснится дом, в котором она встретит Августа. Ей не хотелось возвращаться туда сразу по нескольким причинам. Первая и, пожалуй, главная из них состояла в том, что этот незнакомец, кем бы он ни был, вторгся в ее личное пространство и говорил вещи, которая она не хотела слушать. Марта всячески отгоняла назойливые мысли, которые он нагло вложил в ее голову. Она хотела убежать, спрятаться, закрыться лишь бы не думать. Но разве проблему можно решить бегством? Нет, и в глубине души девушка это знала.

Второй причиной был стыд за то, что она выгнала Августа, хотя в действительности он не сделал ничего такого уж плохого. Марта представляла себе, как стоит в гостиной, а Август опять копается в камине. И здесь наступал ступор. Что она должна сказать ему? Как извиниться? А если он не захочет

прощать ее?

И здесь наступал черед для третьей причины, которая состояла в столкновении первых двух. С одной стороны, ей было стыдно, а с другой она не понимала за что, ведь это он нагло влез к ней со своими нравами. Ей хотел помириться, но при этом и видеть она его больше не хотела.

Марта не знала, что за хаос происходит у нее в голове. Ее тянуло то в одну, то в другую сторону, а она вместо того, чтобы разобраться с вопросами, отмахивалась от них, как от назойливой мухи, не собиравшейся просто так сдаваться.

Спасали школьные занятия и тайная игра на скрипке. К счастью, ей удалось побывать на занятиях Кристины Федоровны. Они выбирали произведение, с которым Марта могла бы выступить на концерте и даже остановились на одном не самом сложном варианте, но он не нравился юной девушке, поскольку она не чувствовала в композиции никакой жизни. Кристина Федоровна пыталась ее уговорить и объяснить, почему следует играть именно это произведение, но при этом понимала, что упрямство юной ученицы окажется сильнее.

В школе дела шли, как обычно. Все, как всегда. Ни лучше, ни хуже, ни хорошо, ни плохо. С Мартой никто не общался кроме Снежаны, да и та на этой неделе частенько заговаривалась с одноклассницами, то и дело оставляя подружку одну. Марту это злило. Она не давала имен своим чувствам, но то была самая настоящая ревность. Несмотря на то, что Снежана звала ее с собой, Марта не могла пересилить себя. Она не хотела, не видела в этом смысла и оставалась сидеть вдали, злобно поглядывая на смеющихся девочек. А на самом деле за всеми этими надуманными причинами скрывались мысли о том, что о ней подумают. Вдруг засмеют за одежду и прическу, или она что-то не то скажет, а может и еще хуже... Но это «хуже» оставалось только вспышкой короткого воспоминания об отражении в зеркале.

Пожалуй, худшим моментом за неделю оказался вечер четверга, когда Марта вернулась домой после занятий на скрипке. Отец сидел на кухне демонстративно громко размешивая сахар в чае.

– Привет, – сказала Марта, еще с порога чувствуя настроение отца.

- Привет, - мрачно ответил он. - Ужинать будешь? Мама прилегла, но еда в холодильнике.

- Что-то случилось?

- Я просто хочу понять. Мы неделю назад буквально говорили с тобой, и на дне рождения тети Тани ты сказала, что согласна с тем, что со скрипкой надо заканчивать. Тогда какого черта ты с ней вечно куда-то таскаешься? Ты думаешь мы с мамой слепые? Мы видели, как ты проскальзываешь, считая, что ушла незаметно.

- Пап, я ведь не делаю ничего плохого.

- Как не делаешь? - отец непонимающе развел руками.

- Я не пью ни с кем во дворе, не прогуливаю школу, не краду, я только занимаюсь тем, что мне нравится.

- Но твое это вот «нравится» - это трата золотого времени. Когда надо учиться и готовиться к институту. Ты понимаешь сколько книг ты могла бы прочитать, если бы не пиликала на скрипке?

- Я читаю книги. Я люблю читать...

- Не эти! Твои фентези-фигетензи и что там еще? Детективы. Никакой пользы не приносят. Это просто развлечение. Я говорю о серьезных книгах. Через два года ты закончишь школу. И что? Куда ты пойдешь?

- Я...

- Вот скажи: я не знаю, - прервал ее отец, но был абсолютно прав в том, что она собиралась сказать. - Молчишь? Что? Может быть, еще в музыкальное пойдешь?

- А почему нет?

- Потому что это не профессия. Ты не Моцарт и не Бетховен в конце концов.

- Но ты даже не слышал...

- А мне не надо слышать. Ты не училась музыке с раннего возраста и не придумывала сонаты еще до того, как научилась ходить. Это тебя бабушка надоумила, а ты ей поверила.

- Пап, почему ты такой? Из-за дедушки? - выпалила Марта и почувствовала, как душа ушла в пятки.

- Да, почему вы все примешиваете сюда моего отца? - его голос стал значительно громче и был недалеко от крика. - Твой дедушка никаким образом не связан с тем, что я хочу, чтобы моя дочь получила настоящее образование.

- Но он же был музыкантом. Ты считаешь, что у него плохое образование? - Марта не понимала, почему продолжает рыть себе могилу, но не могла остановиться.

- Запомни раз и навсегда. И чтобы я больше никогда не слышал этих вопросов. Твой дедушка был музыкантом совсем в другой стране, где это ценили, а потом он почти ничего не зарабатывал. Ты еще ребенок и тебе не понять, но я, как взрослый, тебе говорю: если бы не твоя бабушка, которая продолжала вкалывать, то они бы умерли от голода.

- Мне казалось...

- Что тебе казалось?

- Ничего, - Марта обессиленно опустила голову.

- Что тебе казалось? - отец по отдельности произнес каждое слово.

- Мне казалось, что ты просто скучаешь по нему. И поэтому тебе не нравится слушать скрипку.

- Ей казалось, - отец стукнул кулаком по столу и тяжелыми шагами вышел из кухни.

Удивительно, но отец не сказал ничего о мыслях Марты. Он не отрицал, но и не соглашался. Стоило ему исчезнуть в коридоре, как из-за угла появилась мама. Она думала, что факт ее чудеснейшего появления сразу после ухода отца останется незамеченным, а вот Марта уже заранее знала, что именно так и будет. На протяжении всего разговора мама, наверняка, стояла за углом, а теперь пришла пожалеть несчастную обиженную дочь. Важно заметить, что именно пожалеть, а не поддержать.

Любовь к родителям, да и родителей к детям имеет странную и таинственную природу. Она прекрасна в своей безграничной искренности, но от того она может быть и жестока, ведь понятие любви каждый понимает по-своему.

Для отца Марты любовь заключалась в том, чтобы заставить дочь пойти по единственному пути, который он считал абсолютно правильным. В этом он видел безопасность, успех и даже способ воспитания, который в будущем поможет ей не сбиться в дороге.

Мама Марты искреннее жалела дочь, когда ее кто-то обижал. И это по-своему было очень важно, но самой Марте часто не хватало поддержки.

И несмотря ни на что Марта любила их обоих. Она считала, что правильнее будет подчиниться папе, принять жалость мамы, и тогда, возможно, все будут счастливы. Но сама не хотела этого. Она не хотела проживать свою жизнь по чужим правилам, тем более тогда, когда ее мечты не имели ничего плохого, а скорее наоборот были возвышены и прекрасны. Ее сердце и здесь тонуло в противоречиях, к которым она привыкла, и не пыталась распутать клубом.

- Не расстраивайся, - сказала мама и тихонько обняла дочку за плечи.

- Я же ничего плохого не сделала, - всхлипнула Марта и поняла, что без слез опять не обойтись.

- Не сделала, но папа желает тебе добра. Ты же знаешь?

- Знаю, - без сопротивления согласилась Марта и уткнулась маме в плечо.

– Ты еще сама спасибо ему скажешь через несколько лет, когда будешь учиться в институте.

– Я... Я..., – Марта не знала, что сказать, ведь наружу рвались сразу две правды, которым не суждено было ужиться одновременно.

– Давай, ты как следуешь поешь, умоешься, сделаешь уроки и ляжешь спать. Хорошо?

– Хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/epifanov_nikolay/moya-dorogaya-marta

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)